

85	0195-01	АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ	“Старый принц”	Часть 1 “Значит – можно!”
		Вышла в свет 21.06.2002 г.		
87	0195-02	АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ	“Старый принц”	Часть 2 “Атлант”
		Вышла в свет 21.06.2002 г.		
86	0195-03	АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ	“Старый принц”	Часть 3 “Этого достаточно!”
		Вышла в свет 21.06.2002 г.		
88	0195-04	АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ	“Старый принц”	Часть 4 “Последний певец исхода”
		Вышла в свет 21.06.2002 г.		

СТАРЫЙ ПРИНЦ (Коренблит – Галич)

А. Блоку посвящается

От собеседника

Александр Галич (Гинзбург) – поэт последней четверти ХХ-го века и, видимо, закрывающий драматическое противостояние (быть может – лишь на некоторое время), которое ещё раз развязалось в начале уже прошедшего века между Поэтами и Властью. Она (Власть) как всегда победила и заметает следы преступления, а мы – как всегда потеряли могучего духом и талантом Поэта и Гражданина. А.Г. – был и остаётся, увы, до конца не признанным поэтом, равным по мастерству, драматизму и накалу поэтам Серебряного века, а между тем эта поэтическая эстафета проглядывается на протяжении всего его творчества, стоит лишь внимательно прочесть том его стихов. Но не менее важна и особенно сегодня, его гражданская позиция Борца за права человека в нашем полуколониальном государстве. Ведь по большому счёту величин, равных А.Г. в России нет: все измельчали и продались. Некому в полный и чистый голос крикнуть наверх: «Он врёт! Он не знает как надо!», а вниз: «Не надо, люди, бояться!». А. Галич был нашей кровоточащей Совестью, а В. Высоцкий был нашим придушенным Голосом. А теперь имеем то, что имеем: некого послушать и услышать. Но я горд, что они всё-таки были у нас.

К моей огромной радости А.Г. больше всего из поэтов любил А.Блока и от этого его творчество мне стало значительно ближе. С удовольствием и великим желанием попытаюсь открыть через Нотный портрет А.Г. для Вас его стихи, которые по разным причинам Вам не удавалось узнать до конца. Надеюсь, что они Вам понравятся в моей интерпретации.

«Значит – можно!» – этот вывод обязан сделать каждый человек, но это «можно» – только творить Добро людям.

«Старый принц» – принц Духа, Совести и Чести – государств, не обозначенных на картах, но каждый знает об их существовании. Так мы и не дожили до его коронавания, но... Надежда умирает последней.

Ваш Станислав Коренблит

Часть 1 «Значит – можно!»

1. Смерть юнкеров – 3.51
2. Всегда в строю – 2.20
3. Женщина – 2.10
4. Полёты во сне – 1.37
5. Предвкушение чуда – 1.18
6. Счастливый человек – 2.29
7. О чистых руках – 2.23
8. Значит – можно! – 4.18
9. Слушая Баха – 1.59
10. О телефонах – 2.10
11. О Прекрасной Даме – 2.31

12. Доченьке	– 1.44
13. Доча	– 1.36
14. Юз	– 2.05
15. Постояльцы	– 3.01
16. Под Новый год	– 2.39
17. Невесомость	– 2.23
18. Невесёлая сказка	– 2.40
19. Моя Беда	– 4.50
<i>Общее время звучания – 48.04</i>	

Общее время звучания – 190.43

СОДЕРЖАНИЕ

1. СМЕРТЬ ЮНКЕРОВ

Опять над Москвою пожары,
И грязная наледь в крови...
И это уже не татары,
Похуже Мамаю – свои!

В предчувствии гибели низкой
Октябрь разыгрался с утра,
Цепочкой по Малой Никитской
Прорваться хотят юнкера.

Не надо! Оставьте! Отставить! –
Мы загодя знаем итог!
А снегу придётся растаять
И с кровью уплыть в водосток.

Но катится снова и снова
«Ура!» сквозь глухую пальбу,
И чёлка московского сноба
Под выстрелы пляшет на лбу.

Из окон, ворот, подворотен
Глядит, притаясь, дребедень.
А суть мы потом наворотим
И тень наведём на плетень!

И станет далёкое близким,
И кровь притворится водой,
Когда по Ямским и Грузинским
Покой обернётся бедой!

И станет преступное дерзким,
И будет обидно, хоть плачь,
Когда протрусит Камергерским
В испарине страха лихач,

Свернёт на Тверскую, к Страстному,
Трясаясь, матерясь и дрожа...
И это положат в основу

Рассказа о днях мятежа.

А ты, до беспамятства рада,
У Иверской купишь цветы,
Сидельцев Охотного ряда
Поздравишь с победою ты.

Ты скажешь: «Пахнуло озоном,
Трудящимся дали права!..»
И город малиновым звоном
Ответит на эти слова.

О Боже мой! Боже мой! Боже!
Кто выдумал эту игру?!
И снова погода, похоже,
Испортиться хочет к утру.

Предвестьем Всевышнего гнева
Посыпется с неба крупа,
У церкви Бориса и Глеба
Сойдётся в молчанье толпа.

И тут ты заплачешь и даже
Пригнёшься от боли тупой,
А кто-то, нахальный и ражий,
Взмахнёт картузом над толпой!

Нахальный, воинственный, ражий,
Пойдёт баламутить народ!..
...Повозки с кровавой поклажей
Скрипят у Никитских ворот...

Так вот она, ВАША победа,
«Заря долгожданного дня»?!
«Кого там везут?» - «Грибоеда».
Кого отпевают? – Меня!

2. ВСЕГДА В СТРОЮ

Мы ушли, словно не были, и следов не оставили,
Мы в атаке не ранены, не убиты в бою:
То ли в море уплыли мы, то ли в небе растаяли.
Мы ушли на задание – мы, как прежде, в строю.

Всегда в строю.

Ничего не поделаешь: было время неласково,
Над землёю поруганной полыхала беда.
Собирались мы наскоро и прощались мы наскоро,
Уходили мы надолго, может быть, навсегда.

Всё может быть.

Как прошли мы, как выжили в тех военных пожарищах,

Мы и сами когда-нибудь не сумеем понять.
Ах как вспомнить хотели мы о друзьях и товарищах,
Только нам не положено ни о чём вспоминать –

Таков приказ.

Над могилами нашими обелисков не ставили.
Может, мы ещё встретимся в нашем отчем краю.
То ли в море уплыли мы, то ли в небе растаяли,
Но, погибнув за Родину, мы – живые в строю.

Всегда в строю.

3. ЖЕНЩИНА

Ей страшно и душно, и хочется лечь,
Ей с каждой секундой ясней,
Что это не совесть, а русская речь
Сегодня глумится над Неё!

И всё-таки надо писать эпилог,
Хоть ломит от боли висок,
Хоть каждая строчка, и слово, и слог
Скрипят на зубах, как песок.

Скрипели слова, как песок на зубах,
И вдруг расплывались в пятно,
Белели слова, как предсмертных рубцах
Белеет во мгле полотно.

...По белому снегу вели на расстрел
Над берегом белой реки,
И сын Её вслед уходившим смотрел –
И ждал этой самой строки!

Торчала строка, как сухое жнивье,
Шуршала опавшей листвой...
Но Ангел стоял за плечом у Неё
И скорбно кивал головой.

4. ПОЛЁТЫ ВО СНЕ

...Мои стрекозиные крылья
Под ветром трепещут едва,
И сосен зелёные клинья
Шумят подо мной, как трава.

А дальше – таласса, таласса,
Вселенной волшебная стать!
Я мальчик из третьего класса,
Но – как я умею летать!

Как будто в неконченной сказке
Лечу я сквозь утренний дым –
Над лодками в пёстрой оснастке,

Над городом вечно седым,

Над пылью автобусных станций
И дальше – на грозный восход,
Где снова ахейские старцы
Ладьи снаряжают в поход.

Чужое и глупое горе
Велит им на Трою грести,
А мне – за Эгейское море,
А мне – ещё дальше расти!

Я вырасту смелым и сильным
И мир как подарок приму,
И девочка с бантиком синим
Прижмётся к плечу моему.

И снова в разрушенной Трое
«Елена!» – труба возвестит.
И снова...

5. ПРЕДВКУШЕНИЕ ЧУДА

Уж это не случится никогда –
Я помню иней, синие сосульки:
Декабрь лихорадил переулки
В укутанных в сугробы городах,
У всех – температура сорок два,

Текут носы и красные гортани
Всё чаще чуют чайной ложки вкус.
Декабрь. Не первый на моём веку.
В тот день, я помню, встал довольно рано.

И сразу же почувствовал: сейчас
Произойдёт... Не чудо, ну так что-то...
Спешили люди, верно, на работу.
Такой декабрь я видел в первый раз.

На крышах, тротуарах, проводах,
Заборах, подоконниках и трубах
Сидели птицы синие, и зубы
Ломило тихим предвкушеньем чуда,
А это не случалось никогда.

6. СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Когда хлестали молнии ковчег,
Воскликнул Ной, предупреждая страхи:
«Не бойтесь, я счастливый человек –
Я человек, родившийся в рубахе!»

Родившийся в рубашке человек...
Мудрейшие, почтеннейшие лица
С тех самых пор – уже который век! –

Напрасно ищут этого счастливца.

Который век всё нет его и нет –
Лишь горемыки прут без перебоя,
И горячат умы, и застыт свет...
А Ной наврал, как видно, с перепоя!

И стал он утешеньем для калек,
И стал героем сказочных забавок,
Родившийся в рубашке человек,
Мечта горластых повивальных бабок!

А я гляжу в окно на грязный снег,
На очередь к табачному киоску
И вижу, как счастливый человек
Стоит и разминает папироску.

Он брал Берлин! Он – правда! – брал Берлин.
И врал про это – скушно и нелепо,
И вышибал со злости клином клин,
И шифер с базы угонял налево.

Вот он выходит в стужу из кино
И, сам не зная про свою особенность,
Мальчонке покупает эскимо
И лезет в переполненный автобус.

Он водку пил и пил одеколон,
Он песни пел и женщин брал нахрапом...
А сколько он повкалывал кайлом!
А сколько он протопал по этапам!

Был горек хлеб его и скуп ночлег,
Но все народы перед ним во прахе.
Вот он стоит: счастливый человек,
Родившийся в смирительной рубахе!

7. О ЧИСТЫХ РУКАХ

Развеян по ветру подмоченный порох,
И мы привыкаем, как деда точь-в-точь,
Гонять вечера в незатейливых спорах,
Побасенки слушать и воду толочь.

Когда-то шумели – теперь поутихли:
Под старость любезней покой и почёт...
А то, что опять Ярославна в Путивле
Горюет и плачет, так это не в счёт.

Уж мы-то рукав не омочим в Каяле,
Не сунем в ладонь арестантскую хлеб!
Безгрешный холуй, запасайся камнями,
Разучивай загодя праведный гнев!

Недаром из школьной науки
Всего нам милей слова:
«Я умываю руки...
Ты умываешь руки...
Он умывает руки...» -
И хоть не расти трава!
Не высшая математика,
а просто – как дважды два!

Так здравствуй же вечно премудрость холопья –
Премудрость жевать, и мычать, и внимать,
И помнить о том, что народные копя
Народ никому не позволит ломать.

Над кругом гончарным поёт о тачанке
Усердное время, бессмертный гончар...
А танки идут по вацлавской брусчатке,
И наш бронепоезд стоит у Градчан!

А песня крепчает: «Взвивайтесь кострами!»,
И пепел с золою – куда ни ступи.
Взвиваются ночи кострами в Острове,
В мордовских лесах и в казахской степи.

На севере и на юге
Над ржавой землёю дым...
А я умываю руки,
а ты умываешь руки,
а он умывает руки,
Спасая свой жалкий Рим!
...И нечего притворяться –
мы ведаем что творим!

8. ЗНАЧИТ – МОЖНО!

Я замучил себя, и тебя я замучаю,
И не будет – потом – новодевичьей гордости
Всем друзьям на потеху – от случая к случаю,
В ожидании благ и в предчувствии горести.

И врага у нас нет, и не ищем союзника.
У житейских невзгод – ни размеров, ни мощности.
Но – как птичий полёт – начинается музыка
Ощущеньем внезапного чуда возможности!

Значит – можно! И это ничуть не придумано:
Это просто вернулось из детства, из прошлости.
И не надо Равеля, а Шумана, Шумана! –
Чтоб не сметь отличить гениальность от пошлости!

Значит – можно! В полёт – по листве и по наледи.
Только ветра глотнули – и вот уже начато!
И плевать, что актёров не вызовут на люди,
Эта сцена всегда исполняется начерно!..

Что с того нам, что век в непотребностях множится?!
Вот шагнул он к роялю походкою узника –
И теплеет в руках мандаринная кожица...
И теперь я молчу. Начинается Музыка!

9. СЛУШАЯ БАХА

На стене прозвенела гитара,
Зацвели на обоях цветы...
Одиночество Божьего дара,
Как прекрасно и горестно ты!

Есть ли в мире волшебней, чем это –
Всей додуке земной вопреки –
Одиночество звука и цвета
И паденье последней строки?

Отправляется небыль в дорогу
И становится былью потом.
Кто же смеет приказывать Богу
И заведовать Божьим путём?!

Но к словам, огранённым строкою,
Но к холсту, превращённому в дым,
Так легко прикоснуться рукою.
И соблазн этот так нестерпим!

И не знают вельможные каты,
Что не всякая близость близка
И что в храм ре-минорной токкаты
Недействительны их пропуска!

10. О ТЕЛЕФОНАХ

Вьюга листья на крыльцо намела,
Глупый ворон прилетел под окно
И выкаркивает мне номера
Телефонов, что умолкли давно.

И выкаркивает мне номера
Телефонов, что умолкли давно.

Словно встретились во мгле полюса,
Прозвенели над огнём топоры,
Оживают в тишине голоса
Телефонов довоенной поры.

И, внезапно обретая черты,
Шепелявит в телефон шепоток:
«5-13-43, это ты?
Ровно в восемь приходи на каток!»

Пляшут галочки следы на снегу,
Ветер ставнею стучит на бегу.

Ровно в восемь я прийти не могу!
Да и в девять я прийти не могу...

Ты напрасно в телефон не дыши,
На заброшенном катке ни души,
И давно уже свои бегаши
Я старьёвщику отдал за гроши.

И совсем я говорю не с тобой,
А с надменной телефонной судьбой.
Я приказываю: «Дайте отбой! –
Умоляю: - Поскорее, отбой!»

Но печально из ночной темноты
Как надежда и упрёк и итог:
«5-13-43, это ты?
Ровно в восемь приходи на каток!
Ровно в восемь приходи на каток!
Приходи на каток...»

11. О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

Как мне странно, что ты – жена!
Как мне странно, что ты жива!
А я-то думал, что просто
Ты мной воображена...

Не считайте себя виноватыми,
Не ищите себе наказанья,
Не смотрите на нас вороватыми,
Перепуганными глазами.

Будто призваны вы, будто позваны,
Нашу муку терпеньем мелете...
Ничего, что родились поздно вы, -
Вы всё знаете, всё умеете!

Как мне странно, что ты – жена!
Как мне странно, что ты жива!
А я-то думал, что просто
Ты мной воображена...

Никаких вы не знали фортелей,
Вы не плыли бутырскими окнами,
У проклятых ворот в Лефортове
Вы не зябли ночами мокрыми.

Но ветрами подует грозными –
Босиком вы беду измерите!
Ничего, что родились поздно вы, -
Вы всё знаете, всё умеете!

Как мне странно, что ты — жена!
Как мне странно, что ты жива!

А я-то думал, что просто
Ты мной воображена...

Не дарило нас время сладостью,
Раздавало горстями горькость,
Но великою вашей слабостью
Вы спасли нам не жизнь, а гордость!

Вам сторицей не будет воздано,
И пройдем мы по веку розно.
Ничего, что родились поздно вы, -
Воевать никогда не поздно!

Как мне страшно, что ты – жена!
Как мне страшно, что ты жива!
В Ярославле, на пересылке,
Ты была воображена...

12. ДОЧЕНЬКЕ

Сосчитал я как-то раз –
Сколько вёрст от нас до вас!
Очень много, очень много!
Очень длинная дорога!

Надо с лестницы спуститься,
Сто ступенек отсчитать,
Надо с дворником проститься –
«До свиданья» пожелать!

И пройти огромный двор,
Обойти большой забор,
А потом на Бронной Малой,
Выпив кружечку ситро,
Мчаться два ещё квартала
До «Арбатского» - метро!

И в метро дорогой дальней
Ехать к площади вокзальной!
Ну а там уже немного,
Там окончена дорога!
Дальше путь отменно прост:
Только десять тысяч вёрст!

Паровоз примчит глазастый
Нас в далёкие края!
Мне Алёнка крикнет:
- Здравствуй!
Я скажу Алёнке:
- Здравствуй!
Здравствуй, доченька моя!

13. ДОЧА

Ты опять болеешь, доча?

Ты опять в постели, кроха?
Это очень, это очень,
Это просто очень плохо!

На Басманной и на Бронной
Все волнуются с утра:
Как Алёна? Что с Алёной?
Что сказали доктора?

Хорошо ли дочка ест?
Не снимает ли компресс?
Есть ли насморк? Что болит?
Это грипп или бронхит?

Надо, надо быть здоровой!
Быть здоровой и весёлой!
Очень скоро, в форме новой,
Ты пойдёшь, Алёнка, в школу!

В самый первый, дочка, раз –
В самый первый, дочка, класс!
Там учење, там друзья,
Там болеть никак нельзя!!!

Мне бы свидеться с Алёной!
Мне б обнять покрепче дочь!
До свидания, Алёна!
О тебе, на Малой Бронной,
Помнит папа день и ночь!

14. ЮЗ

По стеклу машины, перед глазами шофёра
Бегают дворники – направо-налево,
Направо-налево, направо-налево...

Не летят к нам птицы с тёплого юга –
Улетают птицы на тёплый юг.
Почему-то надо бояться юза,
Но никто не знает, что значит юз!

Ах никто не знает, что значит юз!
Значит, юз... юз... юз...

Телефон молчит мой, а это скверно,
Я-то понимаю, что дело в том:
Ты теперь под зонтиком ходишь, наверно,
А под зонтиком трудно ходить вдвоём!

Ах под зонтиком трудно ходить вдвоём!
Ходить вдвоём... вдвоём... вдвоём...

И под медленным дождиком мокнет Муза,
И у дождика странно солёный вкус.

Может, Муза тоже боится юза,
Но не знает, что это значит – юз?!

Ах не знает Муза, что значит юз!
Значит, юз... юз... юз...

По стеклу машины перед глазами шофёра
Бегают дворники – направо-налево,
Направо-налево, направо-налево...

15. ПОСТОЯЛЬЦЫ

То ли шлюха ты, то ли странница –
Вроде хочется, только колетя.
Что-то сбудется? что-то станется?
Чем душа твоя успокоится?

А то и станется, что подкинется:
Будут волосы все распатланы,
Общежитие да гостиница –
Вот дворцы твои клеопатровы.

Сядь, не бойся, выпьем водочки,
Чай, живая – не покойница!
Коньячок? – четыре звёздочки!
Коньячок – он, брат, тоже колетя...

Гитарист пошёл тренди-брендями,
Саксофон хрипит, как удушенный
Всё, что думалось, стало бреднями:
Обманул Христос новоявленный!

Спой, гитара, нам про страдания,
Про глаза нам спой и про пальцы:
Будто есть страна Пасторалия,
Будто мы с тобой – пасторальны.

Под столом нарежем сальца,
И плевать на всех на тутошних.
Балычок? – прости, кусается!
Никаких не хватит суточных.

Расскажи ж ты мне, белка белая:
Чем ты, глупая, озабочена?
Что ты делала? где ты бегала?
Отчего в глазах червоточина?

Туфли-лодочки на полу-то чьи?
Чья на креслице юбка чёрная?
Наш роман с тобой – до полуночи,
Курва здешняя, коридорная!

Влипнешь в данной ситуации
И пыли потом, как конница.

Мне к семи, тебе к двенадцати –
Очень рад был познакомиться!

До свидания, до свидания!
Будьте ж счастливы и так далее...
А хотелось нам, чтоб – страдания,
А хотелось, чтоб – Пасторалия!

Но, видно, здорово мы усталые,
От анкет у нас в кляксах пальцы!
И живём в стране Постоялии,
Называемся «постояльцы»...

16. ПОД НОВЫЙ ГОД

По-осеннему деревья налегке,
Керосиновые пятна на реке,
Фиолетовые пятна на воде,
Ты сказала мне тихонько: «Быть беде!»

Я позабыл твоё лицо,
Я пьян был к полдню.
Я подарил твоё кольцо –
Кому, не помню!

Я подымал тебя на смех
И врал про что-то,
И сам смеялся громче всех,
И пил без счёта!

Из шутовства, из хвастовства
В то балаганье
Я бросил все твои слова
На поруганье!

Качалась пьяная мотня
Вокруг приборно...
И ты спросила у меня:
«Тебе не больно?»

Не поймёшь – не то январь, не то апрель,
Не поймёшь – не то метель, не то капель,
На реке – не ледостав, не ледоход.
Новый год. А ты сказала: «Старый год».

Их век выносит на-гора,
И – марш по свету,
Одно отличие – номера,
Другого нету!

О, этот серый частокол,
Двадцатый опус,
Где каждый день – как протокол,
А ночь – как обыск.

Где всё зазря, и всё не то,
И всё непрочно.
Который час, и то никто
Не знает точно.

Лишь неизменен календарь
В приметах века.
Ночная улица, фонарь,
Канал, аптека...

В этот вечер, не сумевший стать зимой,
Мы дороги не нашли к себе домой,
Я спросил тебя: «А может, всё не зря?»
Ты ответила старинным: «Быть нельзя!»

17. НЕВЕСОМОСТЬ

Благословенность одиночества!
И тайный хмель, и дождь, и сонность,
И нет ни имени, ни отчества –
Одна сплошная невесомость!

Благословенность бесприютности
В – другими – заспанной постели, -
Как в музыке, где мерой трудности
Лишь только пальцы овладели.

А то, что истинно, - в брожении
И замирает у предела,
Где не имеет отношения
Душа – к преображенью тела!..

И в этот день всеобщей низости,
Вранья и жалких междометий
Прекрасно мне, что Вы поблизости –
За пять шагов, за пять столетий!

18. НЕВЕСЁЛАЯ СКАЗКА

Растаял шепотной растяпа снег,
Сегодня мне приснившийся во сне.
Архип осип, и простудился Осип,
И не поймёшь: весна ль, зима ли, осень?
Но что не лето – это-то уж точно,
И воробьев сплошные многоточья...

А снег исчез – и не было его:
Быть может, он и вовсе не рождался?
А я-то не на шутку испугался!
Так, значит, не случилось ничего?

След самолётный через плат небес –
Какая обозримая нелепость!
И, значит, так и не было чудес,

И целый год не наступало лето:
Земля была грязна, полуодета.
И мучили меня полуодетость,

Неряшливость и заспанность земли.
Хотелось вишен и немного ласки,
А некто мне протягивал рубли:
Мол, отступись от невесёлой сказки.

Да ты и не сумеешь рассказать!
И впрямь – я не сумею рассказать...
И стало скучно и обыкновенно.
И зеркало посмотрит мне в глаза
И укорит за что-то непременно.

Я в доме снимаю зеркала,
Позакрываю двери на засовы...
А эта сказка всё-таки была,
Да уж навряд ли возвратится снова...
Сегодня я проснулся полвторого,
Увидел снег – он плакал из угла.

19. МОЯ БЕДА

Собирались вечерами зимними,
Говорили то же, что вчера,
И порой почти невыносимыми
Мне казались эти вечера.

Обсуждали все оттенки искусства,
Обращали в сложность простоту,
И моя Беда смотрела искоса:
На меня и мимо – в пустоту.

Этим странным взглядом озадаченный,
Нежным взглядом, как живой водой,
Столько раз обманутый удачами,
Обручился я с моей Бедой!

А зима всё длилась, всё не таяла,
И, пытаясь победить тоску,
Я домой в Москву спешил из Таллина,
Из Москвы – куда-то под Москву.

Было небо вымазано суриком,
Белую позёмку гнал апрель...
Только вдруг, прислушиваясь к сумеркам,
Услыхал я первую капель.

И весна, священного священнее,
Вырвалась внезапно из оков!
И простую тайну причащения
Угадал я в таяньи снегов.

А когда в тумане, будто в мантии,
Поднялась над берегом вода,
Образок Казанской Божьей Матери
Подарила мне моя Беда!

...Было тихо в доме. Пахло солодом.
Чуть скрипела за окном сосна.
И почти осенним звонким золотом
Та была пронизана весна!

Та весна Прощенья и Прощания,
Та, моя осенняя весна,
Что дразнила мукой обещания
И томила, и лишала сна.

Словно перед дальнею дорогою,
Словно – в темень – угадав зарю,
Дар священный твой ладонью трогаю
И почти неслышно говорю:

«На пороге нового рассеянья
Ныне и вовеки – навсегда –
Принимаю с гордостью спасение
Я из рук Твоих, моя Беда!»